

стиха, как на важнейший аргумент в пользу этого стиха. В трактате 1735 г. Тредиаковский отвергает мнение, будто он заимствовал свою новую систему стихосложения у французов: «Пусть отныне перестанут противно думающие думать противно: ибо поистинне всю я силу взял сего нового стихотворения из самых внутренностей свойства нашему стиху приличного; и буде желается знать, но мне надлежит объявить, то поэзия нашего простого народа к сему меня довела. Даром, что слог ее весьма не красивый, от неискусства слагающих, но сладчайшее, приятнейшее и правильнейшее разнообразных ее стоп, нежели иногда греческих и латинских, падение подало мне непогрешительное руководство к введению в новый мой эксаметр и пентаметр оных выше объявленных двусложных тонических стоп. Подлинно, почти все звания, при стихе употребляемые, занял я у французской версификации; но самое дело — у самой нашей природной, наидревнейшей оных простых людей поэзии. И так всяк рассудит, что не может, в сем случае, подобнее сказаться как только, что я французской версификации должен мешком, а старинной российской поэзии всеми тысячею рублями. Однако Франции я обязан и за слова, но искреннейше благодарю, россиянин, Россию за самую вещь». Тредиаковский явно упрощает и схематизирует дело, ссылаясь здесь только на фольклор, и он сам в других местах намекал на это. Но привлечение фольклора в порядке аргументации и именно в пользу коренной природности данного вида стиха тем более приобретает принципиальный вес. Через полтора десятка лет, в предисловии к «Аргениде», Тредиаковский возвращается к той же постановке вопроса по поводу рифмы, которую он предлагает отвергнуть: «Привыкшие к рифме, да благоволят быть уведомлены, что она есть игрушка, выдуманная в готические времена, и всеконечно постороннее есть украшение стихам. Простых наших людей песни все без рифмы, хотя идут то хореем, то иямбом, то анапестом, то дактилем, а сие доказывает, что коренная наша поэзия была без рифм и что она тоническая». Наконец, в статье «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» Тредиаковский ставит вопрос на историческую почву. Он предполагает, что русская народная поэзия является неким остатком дохристианской эпохи русской поэзии, по которому можно судить о свойствах этой первоначальной и древнейшей русской поэтической культуры. Христианство вытеснило стихотворство из обихода образованных людей и приучило их только к прозе, а «стихотворение оное важнейшее со всем позабыто: ибо простонародное стихосложение за подлость стихотворцов и материй от честных и саном знаменитых людей презираемо было всеконечно, так что и поныне, но уже знающие и суетно строптивные люди зазирают неосновательно, ежели кто народную старинную песню приведет токмо в свидетельство на письме, хотя и с извинением в необходимости, о первоначальном нашем стихотворении». Видимо, по-